

Зубарева Екатерина Олеговна, Габдушева Алена Фанисовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
fialka21-85@mail.ru

Вторичная языковая личность мигранта в контексте деструктивной интерференции

Аннотация

Интерференция при овладении языком титульной нации принимающей страны может негативно влиять на адаптацию мигранта в новом сообществе. Именно поэтому изучение данного явления представляет особый интерес, а результаты подобных исследований могут быть использованы для разработки эффективных стратегий и методических материалов по предотвращению проявлений языковой интерференции. Цель статьи – рассмотреть проявления деструктивной интерференции на грамматическом и лексико-семантическом уровнях в англоязычной речи одного мигранта-носителя русского языка. Материалом исследования является видео-интервью с Алексеем Пажитновым для журнала «Science World Magazine» (74 мин.). Для идентификации случаев интерференции использовались сопоставительный, дефиниционный и контекстуальный методы анализа. В результате, во-первых, обнаружены систематические проявления грамматической интерференции, преимущественно связанные с употреблением глаголов и существительных в формах, выражающих грамматические категории. Именно эти случаи интерференции представляют собой наиболее значительное препятствие для осуществления успешной коммуникации, поскольку приводят к утере важных смысловых элементов в высказывании. Во-вторых, выявлены случаи интерференции на лексико-семантическом уровне, источниками которых являются различия в наборе значений слов в русском и английском языках, схожесть форм слов, имеющих разное значение, а также дословный перевод некоторых устоявшихся выражений русского языка на английский. Среди лингвокультурных различий следует отметить характерное для русского языка стремление к не свойственным английскому языку категоричности и ассертивности высказываний.

Ключевые слова: языковая интерференция, грамматическая интерференция, лексико-семантическая интерференция, лингвокультурная интерференция, языковая личность, вторичная языковая личность, билингвизм

© Зубарева Е. О., Габдушева А. Ф. 2025

Для цитирования: Зубарева Е. О., Габдушева А. Ф. Вторичная языковая личность мигранта в контексте деструктивной интерференции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 62–76. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-62>

Ekaterina O. Zubareva, Alyona F. Gabdusheva
Perm State University
Perm, Russian Federation
fialka21-85@mail.ru

The secondary linguistic personality of a migrant in the context of destructive interference

Abstract

Interference in mastering the language of the titular nation of the host country can negatively affect the adaptation of a migrant to a new community. That is why the study of this phenomenon is of particular interest,

and the results of such studies can be used to develop effective strategies and methodological materials to prevent manifestations of language interference. This article aims to consider manifestations of destructive interference at the grammatical and lexical-semantic levels in the English speech of one migrant who is the native speaker of Russian. Video interview with Alexey Pajitnov for Science World Magazine (74 min.) was chosen as the material for this study. Comparative, definition and contextual analyses were used to identify and classify the cases of interference. As a result, firstly, systematic manifestations of grammatical interference were found mainly related to the use of verbs and nouns in forms expressing grammatical categories. These particular instances of interference represent the most significant obstacle to successful communication since they lead to the loss of important semantic elements of the utterance. Secondly, instances of lexical-semantic interference whose sources are differences in the set of meanings of words in Russian and English, the similarity of forms of words having different meanings were identified, as well as word-per-word translation of some well-known set expressions from Russian into English. Among linguocultural differences, we found the use of categorical and assertive utterances typical for communication in Russian but not typical for communication in English.

Keywords: language interference, grammatical interference, lexico-semantic interference, linguocultural interference, linguistic personality, secondary linguistic personality, bilingualism

© Zubareva E. O., Gabdusheva A. F. 2025

For citation: Zubareva, E. O., Gabdusheva, A. F. (2025). Vtorichnaya yazykovaya lichnost' migranta v kontekste destruktivnoy interferentsii [The secondary linguistic personality of a migrant in the context of destructive interference]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 62–76. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-62>

1. Введение [Introduction]

В мире активно развиваются международные отношения, устанавливаются новые международные контакты. Миграция, социальная мобильность, туризм приобретают массовый характер, в связи с чем изучение иностранных языков становится всё более актуальным. Особую важность в контексте миграционной лингвистики [Зубарева, 2024 ; Шустова, 2024 ; Ареева, Шустова, 2023] представляет собой освоение мигрантами языка титульной нации принимающей страны, поскольку от этого напрямую зависит успешность процесса их адаптации и интеграции в обществе.

Интерференция на лексическом и грамматическом уровнях на примере русского мигранта, проживающего в США, относится к малоизученным аспектам. Цель статьи – рассмотреть проявления деструктивной интерференции на грамматическом и лексико-семантическом уровнях в англоязычной речи одного такого мигранта.

Рассмотрим ключевые понятия, необходимые для построения теоретической базы исследования. К таковым прежде всего отнесём языковую личность, которая может интерпретироваться как «тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин, 1980, с. 3]. Иными словами, это «личность, которая существует в языковом пространстве, пользуется вербальными знаками и представляет собой совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений» [Караулов, 2004, с. 245].

Объектом нашего исследования выступает вторичная языковая личность, рассматриваемая как «структурный слепок с первичной языковой личности» [Богин, 1998, с. 3]. Образование вторичной языковой личности складывается не только из овладения навыком верного употребления слов и грамматических конструкций иностранного языка, но и из знаний реалий и норм другой культуры, способности изменять паттерны речевого поведения в соответствии с требованиями изучаемого языка. Формиро-

вание вторичной языковой личности можно представить как постепенное овладение всеми тремя уровнями. Сначала индивид как языковая личность осваивает вербально-семантический уровень и приобретает способность воспринимать смысл слов и их соединений. Затем формируется понимание концепции текста, восприятие обобщённых понятий, крупных концептов, идей, происходит овладение тезаурусным уровнем. На мотивационном же уровне языковая личность получает способность понимать замысел отправителя текста, определять причины и цели осуществления высказывания [Момотова, 2011].

В зарубежной лингвистике также исследуется вопрос вторичной языковой личности. В зарубежных исследованиях распространён термин «secondary language identity», под которыми понимается «любой аспект идентичности человека, связанный с тем, как он знает и использует иностранный язык» [Benson et al., 2013, p. 18].

Другим важным понятием является *интерференция*, которая представляет собой «нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [Розенцвейг, 1972, с. 4]. С данной точки зрения интерференция рассматривается как негативное явление в процессе коммуникации. Между тем по знаку влияния на коммуникацию (положительный или отрицательный) следует выделять конструктивную интерференцию (т. е. способствующую полноценной коммуникации) и деструктивную интерференцию (т. е. затрудняющую коммуникацию) [Алимов, 2005, с. 160]. Разумеется, интерференция может проявляться на разных уровнях языка. Нас в первую очередь интересует лексическая и грамматическая виды интерференции.

Лексическая интерференция может создавать коммуникативные помехи, в частности при контакте разноструктурных русского и английского языков, поскольку в данных языках большинство слов являются многозначными. Обусловленная полисемией интерференция возникает в случае, когда набор семем многозначного слова не совпадает с набором семем его эквивалента в другом языке. Лексикон английского языка является менее синтетическим, чем русский [Кубрякова, 1966, с. 98–99].

Лексическая интерференция может быть обусловлена и принадлежностью к разным типам культуры: английская культура является индивидуальной, рациональной, маскулинной, русская – коллективной, эмоциональной и феминной [Hofstede, 2010]. Такая культурная специфика выражается, например, в минимальном использовании эмоциональной лексики в английском языке по сравнению с русским языком, так как в английской культуре считается неэтичным показывать своё эмоциональное состояние другим, позиционируя себя сильной личностью.

Ещё одним видом интерференции, способным стать серьёзной помехой для успешной коммуникации, является *грамматическая интерференция*. Чем больше разница между грамматическими системами языков, тем выше вероятность проявления интерференции. Если рассматривать русский и английский языки, то их системы имеют значительные строевые отличия. Английский язык относится к преимущественно аналитическим, в нём образование форм слова и формирование структуры предложения происходит при помощи вспомогательных строевых единиц. Русский же относится к языкам синтетического типа, в которых грамматическая характеристика слова выражается через аффиксы и флексии.

2. Анализ деструктивной интерференции [Destructive interference analysis]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В зависимости от аспектов изучения языковой личности выделяют несколько подходов, например, лингвокультурологический и собственно лингвистический. В рамках проводимого исследования, учитывая материал, используются оба подхода.

Лингвистический подход строится на отношении личности к языку и учитывает 1) уровень языковой компетенции, на основе которого выделяют языковые личности с низким, средним и высоким уровнями; 2) соотносённость речи с нормами языка, различая стандартные, т. е. отражающие усреднённую литературно обработанную норму языка, и нестандартные, объединяющие различные отклонения от нормы, языковые личности [Лутовинова, 2017]. Для лингвокультурологического подхода характерно восприятие языковой личности как носителя определённого культурного кода, находящего своё отражение в языке. Согласно этому подходу каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью, а потому особое внимание уделяется способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей [Маслова, 2001, с. 23].

Материалом для исследования послужило интервью 2014 года с Алексеем Пажитновым, разработчиком всемирно известной игры «Тетрис», для журнала «Science World Magazine» (популярный в США образовательный журнал, в том числе для детей, функционирующий с 1957 года по настоящее время). Объём интервью составляет 6275 слов. [<https://rutube.ru/video/32004f2a007e4bda3cb2c77460322015/>]. На момент интервью информант проживал в США 23 года и имел высокий уровень владения английским языком. В силу своей профессиональной деятельности (работа в Microsoft, а затем в собственной компании) и широкой известности в США, информант имеет постоянную практику общения с образованными носителями английского языка.

На первом этапе был выполнен транскрипт видео материала. Далее с помощью слухового анализа при визуальном контроле по транскрипту были зафиксировали все случаи деструктивной интерференции на грамматическом и лексическом уровнях. Примеры грамматической интерференции были сгруппированы по блокам: нарушение порядка слов, неправильное использование видо-временных глагольных форм, опущение сказуемого и т. д. Для идентификации и группировки лексических ошибок использовались англоязычные словари, с помощью которых проверялись значения слов и их соответствие интенции автора, которая определялась по широкому контексту исследуемых высказываний. В статье представлены наиболее яркие примеры грамматических и лексических несоответствий.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

По результатам анализа выявлено 85 примеров грамматической интерференции, которые были распределены по следующим подгруппам: ошибки в числе существительного (9,9%), ошибки в образовании существительных и прилагательных (5,1%), ошибки в употреблении возвратных местоимений (1,7%), ошибки в предлогах (2,7%), ошибки в артиклях (14,3%), ошибки в видо-временных формах глагола (19,3%), ошибки в категории залога (4,5%), ошибки согласования времён (9,1%), нарушения порядка слов (7,4%). Рассмотрим интерференцию на грамматическом уровне в речи Алексея Пажитнова на примерах в соответствии с вышеуказанными подгруппами.

В речи информанта присутствуют многочисленные ошибки, связанные с категорией числа существительных. Многие слова употребляются в форме единственного числа, когда контекст и форма глагола указывают на необходимость использования формы существительного во множественном числе, например, *mathematician like to give the Greek names for their objects; I feel that Tetris stay in a row with the other game like Pacman, Quber and the other game; there are seven different shape* и др. Эти ошибки являются результатом интерференции, поскольку способы образования множественного числа существительных в двух языках принципиально отличаются. В русском языке это изменение или присоединения флексии, выраженной гласным (участвуют несколько глас-

ных), со сдвигом ударения или без такового, а в английском, за исключением супплетивных форм, это присоединения аффикса, выраженного свистящим переднеязычным глухим или звонким согласным /s, z/ в том числе в сочетании с предыдущим гласным /i/.

В речи Алексея присутствуют ошибки в аффиксах существительных и прилагательных. К примеру, в предложении *Well, Hungary, **Bulgary**, Poland at the same time* Алексей искажает название Болгарии (англ. *Bulgaria*), уподобляя его названию Венгрии (англ. *Hungary*) путём замены суффикса *-ia* на суффикс *-ary*. Следует отметить, что неправильное использование суффикса приводит и к ошибочному ударению, но фонетическая интерференция в данной статье не рассматривается.

Похожие ошибки наблюдаются и в других высказываниях: *he knew every bit of it and solid **academical** kind of people come for him to consult about some questions; I think that my glory or **famous** is very exaggerated*. В них допущены ошибки в формах прилагательного *academic* и существительного *fame*, к которым Алексей добавляет английские суффиксы прилагательных *-al* и *-ous* соответственно. Если в первом случае в результате искажения получается неверная форма слова, то во втором случае меняется часть речи, что является грубой ошибкой. Все вышеупомянутые суффиксы являются продуктивными, а потому встречаются в английской речи довольно часто. В связи с этим, можно предположить, что Алексей, не имея чёткого представления о правилах словообразования в английском, путает суффиксы, хотя интуитивно понимает их значение на основе своего опыта восприятия речи носителей.

Интерференция в данном случае проявляется в том, что, хотя русский и английский языки имеют схожий способ деривации слов путём присоединения морфем, наборы этих морфем и нюансы их употребления различаются. Как следствие, в речи билингва, опирающегося только на общие представления о типичных для образования определённых частей речи морфемах, могут встречаться подобные ошибки.

Другим примером грамматической интерференции является неверное использование возвратного местоимения *myself* в предложении *So, the first publisher made it, not **myself***. Здесь ошибка также объясняется влиянием родного языка, поскольку содержание, передаваемое в русском языке возвратным местоимением, не всегда будет выражаться возвратными местоимениями в английском. По всей видимости, Алексей опирался на вариант этого высказывания на русском языке: *Первый издатель сделал это, а не я сам*; или не знал о других способах передачи значения самостоятельности совершения действия. По своей структуре приведённое английское предложение является сложносочинённым, и второе простое предложение в своей полной форме должно звучать как *It was not me*, где местоимение *I* является агенсом, а не пациенсом и поэтому употребляется в форме объектного падежа *me*. При переводе этого предложения на русский *Это был не я*, местоимение *я* будет являться пациенсом. В связи с этим несовпадением и возникает интерференция. Возможно, Алексей интуитивно понимает невозможность использования местоимения *I*, но не может верно подобрать замену из-за пробелов в знаниях, а потому принимает решение употребить возвратное *myself*.

Влияние различий между исследуемыми языками сказывается и на употреблении предлогов в речи информанта на английском языке. Так, в интервью довольно часто встречаются предложения с ошибками подобного рода, например, *I want to create some kind of very standard version which could be played by professionals and amateurs, and everybody to compete to each other* и др. Неверный выбор предлогов можно объяснить тем, что и в русском, и в английском языках предлоги играют важную роль при выражении такого вида синтаксической связи, как управление, в глагольных сочетаниях, однако между этими языками присутствуют существенные отличия при выборе или отсутствии-присутствии предлога с глаголами, имеющими одинаковые значения в обоих языках, например,

влиять на кого-то / что-то – *to influence smb. / smth.*; отвечать на вопрос – *to answer a question* [Collins Dictionary]. Вероятно, что именно это несовпадение провоцирует подобные проявления интерференции в речи Алексея, заставляя его выбирать предлоги, подходящие в его родном языке, но ошибочные для эквивалента в английском.

В материале наблюдается отсутствие или ошибочное использование артиклей, к примеру, *I graduate the Moscow Institute of Aviation as **applied mathematician**; It's really **hard task** to do it; Well, you never know anything about **future*** (пропущено, соответственно, два неопределённых и один определённый артикль). Здесь причиной интерференции является отсутствие в русском языке такого единого способа выражения определённости-неопределённости объекта, как артикли; в английском языке это *a / an* и *the*, наличие-отсутствие которых и выбор между ними – весьма непростая задача даже для носителя русского языка, изучающего английский профессионально. В связи с этим, можно предположить, что Алексей не до конца понимает роль артиклей в предложении.

В его речи встречаются ошибки, связанные с образованием глагольных форм, выражающих длительность. К примеру, в предложениях *We **exploring** it as well; You **doing** good*. В обоих случаях отсутствует вспомогательный глагол *to be*, необходимый для образования глагольной формы Present Continuous. Эти искажения являются следствием различия в способе образования глагольных форм в русском и английском языке, а также в способе выражения законченности / завершённости действия. Так, в русском языке завершённость-незавершённость отражается категорией совершенного-несовершенного вида глагола, которая может передаваться при помощи приставки или добавления соответствующих аффиксов. В английском же незавершённость действия, его длительность, выражается формами времён длительной группы (Progressive / Continuous Tenses), образование которых происходит при помощи добавления вспомогательного глагола *to be* и окончания / суффикса *-ing*. В обоих языках передача характеристики законченности-незаконченности действия включает в себя изменение морфемы. Возможно, Алексей опирается на это сходство, а потому верно добавляет суффикс *-ing*, но забывает о необходимости подстановки аналитического компонента *to be*, поскольку в его родном языке аналитизм ограничен.

Кроме того, Алексей, как и многие носители русского языка, часто допускает ошибки, связанные с отсутствием глагола-связки в составном именном сказуемом в настоящем времени. Например, в интервью встречаются такие предложения, как *The problem with this stuff is, basically, if the pieces on top and the pieces on the bottom, you have kind of counter-intuitive interface; Welltris very popular for a short time in Japan for arcade machine*. В английском же в данном типе предложений и подлежащее, и сказуемое необходимы, даже при условии отсутствия семантического субъекта используется формальное подлежащее. В связи с этим различием между языками такие проявления интерференции, как опущение одного из главных членов предложения, становятся неизбежными, что и иллюстрирует данный пример из интервью.

Ещё одним элементом грамматической системы, в которой наблюдаются искажения, является категория залога. Так в речи информанта присутствуют такие случаи неверно выбранного залога, как *The floppy disk **didn't read**, they have different formats; Those are all different shape which could **make out** of five square*. В обоих предложениях подобные ошибки искажают смысл высказывания. В первом случае речь идёт о дискете, носителе информации, содержание которого может быть прочитано компьютером, а из контекста можно сделать вывод, что главной мыслью предложения является невозможность прочитать данный носитель при помощи компьютера из-за разницы в форматах. Однако при переводе сказанного Алексеем получается, что дискета не могла прочитать что-либо. Поэтому неверным будет не только использование активного залога, но и опу-

шение модального значения неспособности компьютера. Более подходящими и корректными вариантами выражения данного смысла будут *The floppy couldn't be read by the computer*, где меняется залог и добавляется модальный глагол *can (could)*, передающий это значение невозможности; и *The computer didn't read the floppy disk*, где субъектом действия становится компьютер.

Интерференция проявляется в том, что для передачи данной мысли в предложении на русском языке нет необходимости в использовании модальных слов для выражения способности-неспособности. Это связано с тем, что в английском языке, по сравнению с русским, спектр грамматических средств выражения модальности гораздо шире, как и частотность использования этих средств [Блерица, 2011]. Одна из важнейших функций модальных глаголов в английском языке – это снижение прямолинейности высказывания, минимизация давления на слушающего [Ерзинкян, 2019]. Для русского же, наоборот, характерно употребление предложений с большей степенью категоричности и ассертивности [Козлова, 2019], поэтому интерференция в данном случае связана не только с разницей на грамматическом уровне языка, но и с культурологическими различиями английской и русской ментальности.

Во втором случае неверное употребление залога также приводит к изменению смысла. Основная мысль данного предложения заключается в том, что все игровые элементы разных форм составлены из пяти квадратов, однако при смене залога на активный сочетание *made out of* – быть сделанным из, становится фразовым глаголом *to make out*¹, обладающим совершенно другим набором значений. По конструкции предложения *Those are all different shape which could make out of five square* можно составить предложение на русском, на которое, по всей видимости, опирался Алексей при формулировании его английского эквивалента. Предположительно, оно могло звучать как Все эти разнообразные формы можно составить из пяти квадратов. Получившееся русское предложение является безличным, где нет подлежащего, что может вызывать трудность при переводе его на английский, поскольку для второго языка необходимо наличие двух главных членов предложения. Вероятно, что информант или не смог определиться с выбором залога в английском предложении, а потому смешал их формы, или потерпел неудачу в попытке образовать форму пассивного залога ввиду недостатка знаний о правилах неродного языка. Интерференция в данном примере может быть связана с разницей в способах образования форм пассивного залога в исследуемых языках. В русском языке существует два способа: при помощи добавления постфикса *-ся* и с помощью добавления глагола *быть* к страдательному причастию на *-н / -т*. В английском же данные формы образуются только при помощи глагола *to be* и Participle II основного глагола. Несовпадение способов образования в этих языках может приводить к трудностям и ошибкам при освоении и использовании данной глагольной формы, в чём и заключается проявление деструктивной интерференции.

Также в речи исследуемой личности часто встречается неверное согласование временных форм глаголов, поскольку в русском языке нет строгих правил временной согласованности глагольных форм, какие существуют в английском языке. Например, в предложениях *I didn't like how it works; And when Henk came and talked to the agency, kind of everybody loves him as a publisher because he was a publisher of PC version in Japan; He was of Hungarian origin and he lived in London and has his company there, in Britain*. Разберём данный тип ошибок на примере предложения из интервью *I didn't like how it works*. Смысл приведённого высказывания в том, что Алексею не нравилось как

¹ to complete (something, such as a printed form) by supplying required information; 2. to find or grasp the meaning of; 3. to form an opinion or idea about; 4. to represent as being; 5. to see and identify with difficulty or effort [Merriam-Webster Dictionary].

работала одна из механик игры, то есть речь идёт о прошлом, поэтому и главное, и придаточное сказуемые должны стоять в форме прошедшего времени: *I didn't like how it worked*. Однако в русском языке такая согласованность не является обязательной, а потому для выражения этой мысли верным будет как вариант *Мне не нравилось как это работает*, так и вариант *Мне не нравилось как это работало*. В подобных случаях неверного выбора временных форм глаголов и заключается проявление грамматической интерференции в подобных случаях неверного выбора временных форм глаголов. Алексей не учитывает необходимость согласования сказуемых главного и придаточного предложений в английском языке, руководствуясь способами построения сложноподчинённых предложений в родном языке.

Помимо этого в интервью присутствуют искажения, связанные с порядком слов в предложении. К примеру, *Is it you playing or it's demo mode?; And all of a sudden I see on the screen my pieces, which I could kind of move left and right*. В вопросительном предложении ошибка заключается в том, что первую часть вопроса Алексей строит верно *Is it you playing, a вторую or it's demo mode?* формулирует как повествовательное предложение. Это связано с тем, что, несмотря на общую для порядка слов в исследуемых языках функцию различения актуальных членов предложения, темы и ремы, в английском языке порядок слов также служит для разграничения повествовательного и вопросительного типов предложения, чего нет в русском языке. Кроме того, в английском языке, в отличие от русского, порядок слов является фиксированным. Во втором предложении информант нарушает этот порядок, ставя прямое дополнение *my pieces* после предложного *on the screen*. Интерференция в описанных примерах объясняется разницей в системах языков и функциями, которые в них выполняет порядок слов. Будучи носителем русского языка, Алексей переносит возможность достаточно свободной расстановки слов в предложении, не учитывая правил английского синтаксиса.

Влияние родного языка в речи Алексея Пажитнова можно проследить и в употреблении отдельных выражений. Например, в предложении *So, we have so-called Tetris Zone, some site, which provide the more-less standard Tetris game*, он искажает устойчивое английское словосочетание *more or less*, уподобляя его русскому эквиваленту *более-менее*. В русском языке данное выражение может употребляться как с союзом *или*: *более или менее*, так и без него: *более-менее*. В английском же языке подобное опущение союза будет ошибкой. В данном случае в результате интерференции Алексей неверно употребляет устойчивое английское словосочетание, опираясь на его аналог в родном языке.

В интервью есть неточное употребление союзов, вносящее неясность в смысл высказывания, например, в *So I put all the pieces and put how many times this piece appears, for nobody blame me that I never give the sticks*, которое можно перевести как *Так что я разложил все фигуры и указал, сколько раз появляется определённая фигура, чтобы никто не обвинял меня в том, что я никогда не даю «палочки»*. Здесь для передачи значения цели в придаточном предложении Алексей использует слово *for*², не учитывая того, что данная единица может быть как предлогом, так и союзом, и что в зависимости от того, в качестве какой части речи это слово выступает в предложении, будет меняться и его значение. Так, если *for* является предлогом, то он действительно может переводиться как *для* или *чтобы* и выражать значение цели, предназначения (*We use this knife for cutting meat* – *Мы используем этот нож для разделки мяса*). Однако, если *for* является союзом, то он имеет значение причины и переводится как *потому что* (*He was upset, for he failed his exam* – *Он*

²(preposition): 1. used as a function word to indicate purpose; 2. used as a function word to indicate an intended goal; 3. used as a function word to indicate the object or recipient of a perception, desire, or activity; 4. as being or constituting. (conjunction): 1. for the reason that [Merriam-Webster Dictionary].

расстроен, потому что не сдал экзамен). В примере из речи информанта более естественно будет употребить *so that* вместо *for*, поскольку это исключило бы возможность двусмысленного понимания предложения. Это предложение вне контекста можно было бы перевести как *Так что я разложил все фигуры и указал, сколько раз появляется определённая фигура, потому что никто не обвинял меня в том, что я никогда не даю «палочки»*, что искажает смысл, который закладывался в высказывание изначально. В данном случае интерференция вызвана тем, что для английского языка характерна омонимия частей речи, когда отдельно взятое слово зачастую нельзя охарактеризовать в плане принадлежности к части речи вне контекста, чего не наблюдается в русском языке. Это связано с разницей в типах языков: русский язык относится к синтетическому типу и обладает развитой системой аффиксов, что позволяет противопоставлять части речи по их морфологическим характеристикам, в то время как английский является аналитическим языком, и система аффиксов в нём развита гораздо слабее, а потому противопоставление частей речи базируется в большей степени на синтаксических показателях.

На лексическом уровне зафиксировано 30 примеров интерференции. Лексическая интерференция была сгруппирована следующим образом: ошибки в устойчивых словосочетаниях (6,1%), ошибки в употреблении близких по форме, но различающихся по значению лексем (11,3%), ошибки при выборе соответствующей контексту и интенции лексемы (8,2%), ошибки при выборе соответствующей регистру общения лексики (0,4%). Приведём примеры на каждую подгруппу.

Итак, наиболее отчётливо видны отклонения в устойчивых английских словосочетаниях, употребляя которые, А. Пажитнов заменяет один из элементов такого сочетания похожим по значению словом. Например, ошибка в употреблении устойчивого словосочетания наблюдается в предложении *So that was the moment of professional honor, if you wish*, где Алексей, желая использовать сочетание *if you will*, заменяет слово *will* на *wish*. В наборе семем лексемы *will*³ действительно есть семема *хотеть* или *желать*, которая также входит в набор семем *wish*⁴, но в таком случае *will* будет иметь форму *willing*⁵ или входить в состав обозначенного словосочетания. Идиоматическая фраза *if you will* часто переводится на русский язык как *если угодно*, *если хотите* или *так сказать*, и показывает, что определённое выражение является одним из способов сказать что-то, но предполагает, что не все выбрали бы это выражение, чтобы передать свою мысль. Вместо *will* в данном сочетании при сохранении значения может использоваться *like*, но не *wish*, несмотря на то, что *will* в этом сочетании может переводиться как *хотеть*. Возможно, именно эта семема и создаёт путаницу, в результате чего А. Пажитнов употребляет *wish*, основным значением которого и является выражение желания чего-либо. Другими словами, *wish* и *will* делят между собой семему русского слова *хотеть*, поэтому Алексей воспринимает их как синонимы, не беря во внимание дополнительный оттенок значения, которым обладает выражение *if you will*. Он излишне опирается на русский аналог данной фразы *если хотите*, что и становится причиной интерференции.

Другим примером ошибки в устойчивых сочетаниях является предложение *Yeah, so about the line, it was the other story*, где Алексей путает похожие по написанию и значе-

³1. used to talk about what someone or something is willing or able to do; 2. used to ask someone to do something or to politely offer something to someone; 3. used to talk about something that often happens, especially something annoying; 4. the mental power to control your thoughts and actions or to succeed in doing something difficult; what someone wants; a legal document that gives instructions about what should happen to your money and possessions after you die [American Heritage Dictionary of the English Language].

⁴1. to want a situation that is different from the one that exists; 2. to want to do something; 3. to say that you hope someone will be lucky/successful; 4. used to say that you would like something to be true although you know it is not true; 5. what you want to do or what you want to happen; 6. something that you say secretly to yourself about what you want to have or happen [Cambridge Dictionary].

⁵1. to be happy to do something, if you need to; 2. wanting to do something [Там же].

нию слова *other* и *another*. Фраза *it's another story* имеет русский аналог *это уже другая история* и употребляется в том же значении, а именно обозначает что-либо, связанное со сказанным ранее, но отличающееся от него. Также данное сочетание часто используется как переход от одной темы к другой, связанной с предыдущей, или для упоминания чего-либо, о чём говорящий не собирается рассказывать в подробностях [Cambridge Dictionary]. В данном случае причиной интерференции является несовпадение оттенков значений в русском и английском языках. Оба слова *another* и *other* могут переводиться на русский как 'другой', однако имеют различия в употреблении. Так, *another*, помимо значения 'другой' обозначает 'ещё один предмет в дополнение к тому, о котором шла речь ранее', а *other* с артиклем *the* используется для обозначения чего-то определённого, о чём уже упоминалось ранее⁶. Удобнее всего объяснить разницу между этими двумя лексическими единицами представляется на примерах ситуаций их употребления. Предположим, консультант предлагает покупателю на выбор два пиджака, зелёный и синий. Покупатель примеряет сначала зелёный, но он ему не нравится, тогда, чтобы попросить синий пиджак он должен сказать *Let's try the other one*, поскольку речь идёт о двух конкретных предметах. Представим другую ситуацию, покупатель примеряет зелёный пиджак, но на нём оторваны пуговицы. Консультант замечает это и, чтобы предложить принести другой, без брака, ему следует сказать *I'll get you another one*, то есть ещё один пиджак этой же модели из тех, которые не упоминались в разговоре ранее.

Так, при использовании фразы *it's another story* обсуждаемые темы как бы представляются разными историями, которых может быть неограниченное количество, именно поэтому в ней употребляется слово *another*. По всей видимости, Алексей не до конца понимает разницу между *another* и *other* или не знает правил их употребления, а потому употребляет их в своей речи как взаимозаменяемые. Это проявляется и в предложении *Well, from another hand programmers are very happy to work with me, где неправильно использует фразу on the other hand*. У этого устойчивого английского словосочетания, используемого в речи для освещения ещё одного аспекта какой-либо темы, тоже есть эквивалент в русском языке – выражение *с другой стороны*. Если дословно перевести вариант информанта *from another hand*, получается *с другой руки*, что представляет собой смешение русского сочетания с его английским аналогом.

Также в речи выбранной публичной личности встречается неверное употребление отдельных слов. Например, в предложении *He immediately get everything about operating system, he knew every bit of it and solid, academical kind of people come for him to consult about some questions and whatever* Алексей не совсем верно употребляет слово *solid*⁷. Одним из его значений действительно является значение признака весомости, надёжности, соответствия какому-либо высокому стандарту. Эта семема соответствует одному из значений похожего русского слова *солидный*, которое также может использоваться для описания чего-либо надёжного, прочного и основательного [Даль: эл. ресурс]. Тем не менее, в английском языке *solid*, как правило, употребляется только по отношению к неодушевлённым предметам, а не к статусу или личности людей, как это происходит в русском языке с похожим словом *солидный*. Неполное соответствие значений этих двух лексических единиц и объясняет проявление интерференции в данном предложении, поскольку Алексей полностью переносит набор семем слова из родного языка на слово из иностранного, руководствуясь их схожестью.

⁶ Another: 1. one more person or thing or an extra amount; 2. a different person or thing. Other: 1. as well as the thing or person already mentioned; 2. used at the end of a list to show that there are more things, without being exact about what they are; 3. (the other) the second of two things or people, or the thing or person that is left in a group or set of things [Там же].

⁷ 1. hard or firm, keeping a clear shape; 2. certain or safe; of a good standard; giving confidence or support; 3. completely hard or firm all through an object, or without any spaces or holes; 4. a solid metal or colour is pure and does not have anything else mixed together with it [Cambridge Dictionary].

Близкие по форме, но различающиеся по значению, лексические единицы вызывают интерференцию и в предложении *So, we need to calibrate the computer processor; we need to set up the very **correct** speed and I didn't need it to do it on my computer in my first version, but we did very **correct** work on PC as well*. В обоих случаях А. Пажитнов ошибочно использует слово *correct* вместо похожего *corrective*, неверно предваряя словом *very*. В английском языке прилагательное *correct*⁸ означает верный, соответствующий фактам, а *corrective*⁹ описывает что-то, что совершается с целью улучшения или исправления. Последнее соответствует значению русского слова *корректирующий*, однако оба приведённых английских слова по своей форме очень на него похожи. В русском языке слова с корнем *коррект-* чаще употребляются в значении исправления чего-либо, например, *корректурa*, *корректор*, *корректировать*, несмотря на существование слова *корректный*, которое по значению близко английскому *correct* [Ушаков, 2008]. Возможно, именно поэтому Алексей и не различает *correct* и *corrective* в данном предложении, опираясь на основное значение слов с похожим корнем в родном языке.

Помимо этого, лексико-семантическая интерференция проявляется и в предложении *So I use this excuse to amuse myself with my favourite games and I wrote several games there*. Он использует глагол *to write* для передачи смысла создания игры, опираясь на довольно распространённое в русском языке сочетание *написать игру*. В нём игра понимается как программа, для создания которой необходимо написать код, то есть в русском *написать игру* в большинстве случаев будет означать создание кода программного обеспечения игры. В английском же языке, в отличие от русского, есть отдельное слово со значением написания кода – глагол *to code*¹⁰. В данном случае правильнее будет использовать именно его, поскольку глагол *to write*¹¹, как правило, не используется с существительным *game* в значении создания игрового кода. Несмотря на то, что в набор семем *to write* входит значение внесения данных в память компьютера, это слово не подходит для выражения мысли информанта в полной мере. Кроме того, одним из наиболее употребляемых значений *to write* является создание какого-либо литературного произведения, в том числе и написание сценария для фильма, театральной постановки или видеоигры. В связи с этим сочетание *to write a game* будет иметь значение создания сюжета игры, её смыслового наполнения, что искажает изначально закладываемый Алексеем смысл. В данном фрагменте влияние русского языка становится препятствием для точного понимания мысли, закладываемой в высказывание.

Также в интервью присутствует фрагмент, на основе которого можно предположить, что Алексей испытывает трудности с выявлением обценной лексики и ситуаций, когда её использование может быть уместно: *But the general population don't give a shit about me*. Словосочетание *don't give a shit*¹² является очень широко употребляемым, но вульгарным сленговым выражением, при помощи которого говорящий обозначает своё безразличие к чему-либо. Использование подобных лексических единиц неприемлемо в таком акте коммуникации, как интервью уважаемому СМИ, тем не менее, Алексей употребляет его. Скорее всего, это связано с лингвокультурным различием, состоящим в том, что в русском языке аналогом данного выражения является выражение *ни черта*,

⁸1. conforming to an approved or conventional standard; 2. conforming to or agreeing with fact, logic, or known truth; 3. conforming to a set figure; 4. conforming to the strict requirements of a specific ideology or set of beliefs or values [Merriam-Webster Dictionary].

⁹1. intended to improve a situation; 2. used to refer to something that is intended to cure a medical condition [Cambridge Dictionary].

¹⁰1. to put in or into the form or symbols of a code; 2. to specify the genetic code; 3. to create or edit computer code [Merriam-Webster Dictionary].

¹¹1. to form (characters, symbols, etc.) on a surface with an instrument (such as a pen); 2. to spell in writing; 3. to cover, fill, or fill in by writing; 4. to be the author of: to produce a written work, to compose in musical form; 5. to form or produce written letters, words, or sentences; 6. to draw up, draft [Там же].

¹²to care the least bit [American Heritage Dictionary].

степень вульгарности которого гораздо ниже, чем у английского аналога. В данном случае лексико-семантическая интерференция заключается в том, что Алексей, вероятнее всего, не идентифицирует данное выражение как относящееся к сниженной лексике, а воспринимает его, в соответствии с русским аналогом, как нечто, обладающее сильной эмоциональной окраской. Вследствие этого, он употребляет его для придания своему высказыванию уверенности и эмоциональности, но не учитывает, что ситуация для этого неподходящая.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование, проведённое на материале видео-интервью на английском языке с русским мигрантом Алексеем Пажитновым для журнала «Science World Magazine», позволило выявить 115 примеров деструктивной интерференции: 85 – грамматической и 30 – лексической, что составило 74% и 26% соответственно. Подгруппы грамматической группы ошибок в процентном соотношении от общего количества всех ошибок распределились следующим образом (по убыванию частотности): ошибки в видо-временных формах глагола (19,3%), ошибки в артиклях (14,3%), ошибки в употреблении близких по форме, но различающихся по значению лексем (11,3%), ошибки в числе существительного (9,9%), ошибки согласования времён (9,1%), ошибки при выборе соответствующей контексту и интенции лексемы (8,2%), нарушения порядка слов (7,4%), ошибки в устойчивых словосочетаниях (6,1%), ошибки в образовании существительных и прилагательных (5,1%), ошибки в категории залога (4,5%), ошибки в предлогах (2,7%), ошибки в употреблении возвратных местоимений (1,7%), ошибки при выборе соответствующей регистру общения лексики (0,4%).

Анализ демонстрирует, что примеров грамматической интерференции больше почти в 3 раза, чем примеров лексической интерференции. Этот факт и приведённая выше статистика показывает, что интерференцию, связанную с разницей в грамматическом строе двух языков достаточно сложно преодолеть даже мигранту, проживающему в США долгое время и постоянно общающемуся с большим количеством образованных носителей английского языка. Наиболее типичной ошибкой, вызванной интерференцией, является неправильное образование видо-временных конструкций. Любопытно и неожиданно, на наш взгляд, что ошибочное употребление предлогов и союзов занимает второе место среди примеров грамматической интерференции. Грамматическая интерференция, преимущественно связанная с неправильным употреблением глаголов и существительных в формах, выражающих грамматические категории, представляет собой наиболее значительное препятствие для осуществления успешной коммуникации, поскольку данные искажения приводят к утере таких важных смысловых элементов. Также встречаются ошибки, связанные с деривацией слов, что тоже может осложнять достижение коммуникационной цели.

Подгруппы лексической группы ошибок в процентном соотношении от общего количества всех ошибок распределились следующим образом (по убыванию частотности): ошибки в употреблении близких по форме, но различающихся по значению лексем (11,3%), ошибки при выборе соответствующей контексту и интенции лексемы (8,2%), ошибки в устойчивых словосочетаниях (6,1%), ошибки при выборе соответствующей регистру общения лексики (0,4%).

На проявление лексической и грамматической интерференции также влияют и лингвокультурные особенности. На грамматическом уровне данные особенности отражены в наличии специальных языковых средств и правилах их использования. К ним можно отнести артикли, в которых проявляется ориентация английского языка на слу-

шателя, или односоставные предложения в русском, в которых видна ориентация на реальность, на ситуацию. Также в качестве лингвокультурного специфического элемента, вызывающего интерференцию, можно выделить необходимость согласования времён в английском языке и отсутствие этой необходимости в русском. Данный факт отражает различия в восприятии времени носителями исследуемых языков. Если для носителя английского языка важна чёткая временная соотнесённость действий относительно друг друга, то для носителя русского языка такая соотнесённость в большинстве случаев не имеет такого значения. На лексико-семантическом уровне влияние лингвокультурных различий связано с характерным для русского языка стремлением к категоричности и ассертивности высказываний, совсем не свойственным английскому языку. Это приводит к выбору не совсем уместных, а иногда и неприемлемых, лексических единиц.

Интерференция может оказывать значительное негативное влияние на адаптацию русского мигранта к англоязычной среде и на эффективность коммуникации с носителями английского языка. Поэтому изучение данного явления представляет особый интерес. Выявленные подгруппы можно назвать своего рода «болевыми точками», поскольку они проявились у информанта даже после долгих лет жизни в англоязычной среде и постоянного общения с образованными и известными носителями английского языка.

Результаты подобных исследований могут быть использованы для разработки эффективных стратегий и методических материалов по предотвращению проявлений деструктивной интерференции в англоязычной речи носителей русского языка, в частности мигрантов. Перспектива же исследования заключается в дальнейшем анализе лексической и грамматической интерференции на примере других русских мигрантов с целью выявить наиболее типичные ошибки, и ошибки, которые препятствуют полному пониманию речи. Также планируется исследование других видов интерференции.

Библиографический список

- Алимов, 2005 – Алимов В. В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: монография. М. : УРСС КомКнига, 2005. 232 с.
- Арекеева, Шустова 2023 – Арекеева Ю. Е., Шустова С. В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «СВОЙ» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.
- Блерица, 2011 – Блерица Т. А. Лексические средства выражения модальности возможности в английском, албанском и русском языках // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 4. С. 63–71.
- Богин, 1980 – Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин : Изд-во Калининградского гос. ун-та, 1980. 61 с.
- Богин, 1998 – Богин Г. И. Герменевтические последствия универсализаций в методике преподавания русского языка как иностранного // Герменевтика в России. 1998. Т. 2 (3). С. 3–9.
- Даль, 2004 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Олма-Пресс : Красный пролетарий, 2004. 700 с. URL : <https://slovardalja.net/> (дата обращения : июль 2024).
- Ерзинкян, 2019 – Ерзинкян Е. Модальность как средство смягчения категоричности высказывания // ՕՏԱՐ ԼԵՁՈՒՆԵՐԸ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԴՊՐՈՑՈՒՄ [Иностранные языки в средней школе]. 2019. № 2 (27). С. 116–125. <https://doi.org/10.46991/FLHE/2019.23.2.116>
- Зубарева, 2024 – Зубарева Е. О. Миграционный дискурс: институциональность и интерферентность (аналитический обзор) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 31–41.
- Караулов, 2004 – Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 4-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2004. 263 с.
- Козлова, 2019 – Козлова Л. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Барнаул : АлтГПУ, 2019. 180 с.

- Кубрякова, 1966 – Кубрякова Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования // Структурно-типологическое описание современных германских языков : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Ярцева. М. Наука, 1966. С. 74–113.
- Лутовинова, 2017 – Лутовинова О. В. Становление понятия «Языковая личность»: от «Языка в человеке» до «Человека в языке» // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2017. № 1(114). С. 82–89.
- Маслова, 2001 – Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
- Момотова, 2011 – Момотова Ю. Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности // Вестник ВятГУ. 2011. № 2–3. С. 107–112.
- Розенцвейг, 1972 – Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. М. : Прогресс, 1972. 535 с. URL : <https://djvu.online/file/cmSENrLSv2m3H> (дата обращения : сентябрь 2024).
- Ушаков, 2008 – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Дом Славянской книги, 2008. 959 с. URL : <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения : июль 2024).
- Шустова, Романова, 2024 – Шустова С. В., Романова А. И. Категория лингвистической дискриминации в миграционном дискурсе // Миграционная лингвистика. 2024. № 6. С. 4–21.
- American Heritage Dictionary – American Heritage Dictionary of the English Language. URL : <https://www.ahdictionary.com/> (дата обращения : август – октябрь 2024).
- Benson, Barkhuizen, 2013 – Benson P., Barkhuizen G., Bodycott P., Brown J. Second Language Identity // Second Language Identity in Narratives of Study Abroad. Palgrave Macmillan, 2013. P. 17–33.
- Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения : июль – октябрь 2024).
- Hofstede, 2010 – Hofstede G. H. Cultures and Organizations – software of the mind. London : McGraw-Hill, 2010. 576 p.
- Merriam-Webster Dictionary, 2004 – Merriam-Webster Dictionary. Springfield, Mass. : Merriam-Webster. 2004. 964 p. URL : <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения : июль – август 2024).
- The Russian-English WordReference Dictionary – The Russian-English WordReference Dictionary. URL : <https://www.wordreference.com/enru/> (дата обращения : август – сентябрь 2024).

References

- Alimov, V. V. (2005) *Interferentsiya v perevode: na materiale professional'no orientirovannoy mezhkul'turnoy kommunikatsii i perevoda v sfere professional'noy kommunikatsii* [Interference in translation: based on the material of professionally oriented intercultural communication and translation in the field of professional communication]. Moscow : URSS KomKniga Press.
- Arekeeva, Yu. E., Shustova, S. V. (2023). Modelirovanie asociativno-verbal'nogo polya kategorii «svoj» [Modeling the associative-verbal field of the category «FRIEND»]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 1, 33–42.
- Blerina, T. A. (2011). Leksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti vozmozhnosti v angliyskom, albanskom i ruskom yazykakh, [Lexical means expressing modality opportunities in English, Albanian, and Russian languages]. *Vestnik Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Ser. : Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 4, 63–71.
- Bogin, G. I. (1980). *Sovremennaya lingvodidaktika* [Modern linguodidactics]. Kalinin : Kaliningrad State University Press.
- Bogin, G. I. (1998). Germenevticheskie posledstviya universalizatsiy v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Hermeneutical consequences of universalization in teaching Russian as a foreign language]. *Germenevtika v Rossii* [Hermeneutics in Russia], 2 (3), 3–9.
- Dahl, V. I. (2004). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow : Olma-Press : Krasnyy proletariy Press.
- Erzinkyan, Y. (2019). Modal'nost' kak sredstvo smyagcheniya kategorichnosti vyskazyvaniya [Modality as a mitigating device]. *OSUS I bəqni bərl fərdi fərdi bərl bərl* [Foreign Languages in Higher Education], 2 (27), 116–125. <https://doi.org/10.46991/FLHE/2019.23.2.116>

- Zubareva, E. O. (2024). Migratsionnyy diskurs: institutsional'nost' i interferentnost' (analiticheskiy obzor) [Migration Discourse: Institutional and interference (analytical review)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 31–41.
- Karaulov, Yu. N. (2004). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow : Editorial URSS Press.
- Kozlova, L. A. (2019). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of English and Russian]*. Barnaul : AltGPU Press.
- Kubryakova, E. S. (1966). O putyakh izucheniya tipologicheskikh osobennostey yazyka v oblasti slovoobrazovaniya [On ways to study the typological features of language in the field of word formation]. In V.N. Yartseva (Ed.), *Strukturno-tipologicheskoe opisanie sovremennykh germanskikh yazykov [Structural and typological description of modern Germanic languages]* (pp. 74–113). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Lutovina, O. V. (2017). Stanovlenie ponyatiya «Yazykovaya lichnost'»: ot «Yazyka v cheloveke» do «Cheloveka v yazyke» [Development of the notion «language personality»: From «language in a person» to «a person in language»]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*, 1 (114), 82–89.
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya [Cultural linguistics]*. Moscow : Akademiya Press.
- Momotova, Yu. G. (2011). Ponyatie i struktura yazykovoy i vtorichnoy yazykovoy lichnosti [The notion and the structure of the linguistic and secondary linguistic personality]. *Vestnik Vyatskogo gos. u-ta [Bulletin of Vyatka State University]*, 2-3, 107–112.
- Rozentszveyg, V. Yu. (1972). *Yazykovye kontakty Lingvisticheskaya problematika [Language contacts. Linguistic issues]*. Moscow : Progress Press.
- Ushakov, D. N. (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow : Dom Slavyanskoy knigi Press.
- Shustova, S. V., Romanova, A. I. (2024). Kategoriya lingvisticheskoy diskriminatsii v migratsionnom disкурсе [The category of linguistic discrimination in migration discourse]. *Migratsionnaya lingvistika [Migration Linguistics]*, 6, 4–21.
- American Heritage Dictionary of the English Language (n. d.). *American Heritage Dictionary of the English Language*. Retrieved August – October, 2024 from <<https://www.ahdictionary.com/>>.
- Benson, P., Barkhuizen, G., Bodycott, P., Brown, J. (2013). *Second Language Identity. Second Language Identity in Narratives of Study Abroad* (pp. 17–33). London : Palgrave Macmillan.
- Cambridge Dictionary (n. d.). *Cambridge Dictionary*. Retrieved July – October, 2024 from <<https://dictionary.cambridge.org/>>.
- Hofstede, G. H. (2010). *Cultures and Organizations – software of the mind*. London : McGraw- Hill.
- Merriam-Webster Dictionary. (n. d.). *Merriam-Webster Dictionary*. Springfield, Mass. : Merriam-Webster. Retrieved July – August, 2024 from <<https://www.merriam-webster.com/>>.
- The Russian-English WordReference Dictionary (n. d.). *The Russian-English WordReference Dictionary*. Retrieved August – September, 2024 from <<https://www.wordreference.com/enru/>>.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 18.08.2025; accepted for publication 25.08.2025.